

Принцип документальности может объяснить многое при изучении таких сочинений, как «Путешествие в Арзрум» и особенно «История Пугачева», но он никак не срабатывает, когда мы обращаемся к «Капитанской дочке», где нет ни одного документа, и тем более к сказкам или пушкинской лирике последних лет.

Как видим, ни «социальный реализм», ни «документальный реализм» не объясняют внутренней логики появления в творчестве Пушкина 1833—1836 гг. усложнившегося многообразия художественных форм, основанных на широком использовании приемов мифа, сказки, легенды, античных и библейских мотивов и образов с их обобщенностью и сгущенностью.

Эти новые структурные качества художественной системы Пушкина последнего периода слишком очевидны, чтобы их не замечать. Вот почему наряду с документальностью Г. П. Макогоненко усматривает их в создании образов-символов. Проблеме символов в реалистическом творчестве исследователь придает большое значение, ей посвящена целая глава его книги. Он анализирует использование символов Пушкиным в «Медном всаднике», «Пиковой даме», «Капитанской дочке». Сами по себе эти анализы, повторяем, весьма содержательны и интересны. Тем не менее проблема в целом не может считаться решенной.

Сомнения усугубляются тем, что, говоря о роли образов-символов в творчестве Пушкина, Г. П. Макогоненко, с одной стороны, не соглашается с традиционным пониманием их как обычной символики, а с другой — нередко усматривает символическую природу там, где имеет место условность и многозначность, свойственные художественному образу вообще.

Не приведет ли признание символической структуры пушкинских произведений к уже пройденному этапу пушкиноведения, отмеченному стремлением повсеместно выискивать намеки, иносказания, одним словом — ту самую «загадочность», против которой так настойчиво и небезосновательно выступает сам Г. П. Макогоненко?

Наконец, если для пушкинского реализма характерно сочетание таких разнонаправленных принципов, как документальность и образы-символы, то как, на какой общей основе они совмещаются: ведь принцип документа предполагает строгую определенность, однозначность, а символ — многозначность, точнее бесконечность, неопределенность, таинственность?

В книге Г. П. Макогоненко рассматриваются главным образом крупные повествовательные жанры; из стихотворений, за отдельными исключениями, цикл «Песни западных славян» и так называемый «каменноостровский» цикл 1836 г. Как соотносятся между собой эпическое и лирическое начала в пушкинском творчестве 1830-х годов, каков новый характер пушкинского лиризма? К сожалению, эта важная проблема затронута лишь попутно. За пределами книги остался анализ ряда собственно лирических стихотворений 1833—1836 гг., даже таких значительных, как «Вновь я посетил», «Была пора: наш праздник молодой».

Как видим, книга Г. П. Макогоненко дает обильную пищу для раздумий, научных споров, а это лишь подтверждает ее масштабность, остроту и глубину исследовательский мысли.

И. М. Тойбин

Т. М. Н и к о л а е в а. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982, 103 с.

Книга Т. М. Николаевой вышла в известной серии, издаваемой Научным советом по теории советского языкознания. При небольшом объеме эта книга в высокой степени насыщена очень интересными, важными и достаточно сложными проблемами, которые все группируются вокруг, казалось бы, частного явления: значимого выделения одного (или нескольких) слов предложения просодическими средствами. Несколько отступая от формулировок автора, можно сказать, что задача исследования понимается следующим образом: «дано: в предложении налицо значимое выделение слова некоторыми просодическими средствами, например, *В Москву поедет П е т р о в*; требуется определить: какова семантика такого — акцентного — выделения?»

В I главе рассматриваются существующие трактовки акцентного выделения (АВ) и убедительно демонстрируется их недостаточность, а нередко и прямая неадекватность. Пожалуй, один из важнейших выводов этой главы заключается в том, что совершенно неправомерна трактовка АВ как сдвинутого фразового ударения: фразовое ударение сохраняется при введении АВ, продолжая выполнять свои функции в присутствии последнего (с. 9), причем АВ может налагаться на фразовое ударение (ср. пример выше). Точно так же обнаруживается недостаточность трактовки АВ с точки зрения вопросно-ответной теории, так как ответ на специальный вопрос отнюдь не предполагает однозначное использование АВ, ср. *Кто купил синюю машину? Ее купил Петр* (с. 15), где нет АВ. Не удастся